

жертвованіи; Болконскій развилъ теорію полной отрѣшенности отъ всего окружающаго міра людей, выставивъ на первый планъ интересы небольшого круга близкихъ: отецъ, сестра, сынъ,—а до всѣхъ остальныхъ людей ему, Болконскому, нѣтъ никакого дѣла, какъ и другимъ людямъ не интересенъ онъ. Князь Андрей высказывалъ эти свои мысли ясно и отчетливо; очевидно, онъ не разъ думалъ объ этомъ. Добро и зло—по мнѣнію Андрея—вещи, ничего не значущія, добро то, что мнѣ, моимъ близкимъ доставляетъ радость въ жизни, зло—все прочее. Зашла рѣчь о Богѣ, о вѣрѣ въ будущую жизнь—Болконскій и тутъ проявилъ полный скептицизмъ. Пьеръ возражалъ; онъ, теперь дѣятельный и вѣрующій членъ масонской ложи, старался убѣдить своего друга, что добро—то, что творится во имя блага общаго, что есть Богъ, который проявляетъ свое „я“ во всемъ окружающемъ насъ мірѣ, что нѣтъ смысла жизни, если перестать вѣрить въ торжество добра надъ зломъ, если ограничить свою жизнь исключительно земнымъ существованіемъ. Слова Пьера шли изъ глубины души, въ нихъ звучала подкупающая искренность и теплота, и что-то дрогнуло въ сердцѣ Андрея Болконскаго. Когда спустя два дня Пьеръ уѣзжалъ изъ Лысыхъ Горъ, онъ не могъ не подмѣтить, что сомнѣніе въ непреложности высказанныхъ истинъ вкралось въ душу Андрея, что князь Андрей нѣсколько пріободрился и въ лучшемъ настроеніи, чѣмъ былъ до пріѣзда его, Пьера...

Николай Ростовъ вернулся въ свой полкъ, гдѣ тепло былъ встрѣченъ Денисовымъ и остальными офицерами. Полкъ не участвовалъ въ первыхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ, но положеніе его было болѣе бѣдственное, чѣмъ дѣйствующей арміи.

Солдаты обнѣсились, мундиры на нихъ превратились въ какія-то лохмотья, не было провіанта, голодали солдаты и еще больше лошади; значительная часть полка находилась въ лазаретѣ, а оставшіеся въ строю исхудали до невѣроятнаго, едва держались на ногахъ. О провіантѣ надолго не было никакихъ надеждъ. И вотъ Денисовъ, прослышавъ отъ Лаврушки, своего деньщика, что поблизости отъ стоянки полка провезли провіантъ для пѣхоты, рѣшили